

г. Москва
Малый ТР

АНШЛАГИ Малого театра на гастролях в Киеве были, можно сказать, запрограммированы. Ведь даже те, кто не считает себя театралом, хорошо знают этот коллентив. С юности вошел он в сознание каждого как явление национальной русской культуры.

Интерес к Малому питается не только славным прошлым, но и искусством его сегодняшних мастеров. А оно знакомо всем, если не по каким спектаклям, то уж, во всяком случае, по теле- и киноэкрану, по прессе.

Известно бережное отношение театра к классическому репертуару. В нем есть пьесы, которые увидели свет раньше еще во времена, когда жили их авторы, а потом со

нов)... Все их интересы и кипение их страстей так мизерны, ничтожны. Притесняя, обирая других, они обделили себя, обделили всем, что может составлять смысл человеческого существования.

В спектакле главное «средство» воздействия на зрителей — актеры, то, чем всегда знаменит Малый театр. Это, в первую очередь, исполнители главных ролей — горюничего В. Веснина и Хлестакова Ю. Соломина. Тонкая, точная, сдержанная и верная, более щедрая импровизационными деталями у второго игра доставляет истинное удовольствие.

«Без вины виноватые» — одна из наиболее популярных пьес А. Островского — навер-

Этому миру эгоизма и душевной глухоты должна противостоять Кручинина — искусством актрисы и своей личностью. Кручинина Э. Быстрицкой полна благородства, интеллигентна и внутренне тонка. Как разумно и настойчиво, с такой искренностью — и искренность эта моментально находит отклик в зале — пробуждает ее героиня в молодом Незнамове (А. Овчинников) веру и чувство достоинства. Их диалог — наиболее впечатляющие сцены в спектакле.

И тем не менее порой кажется недостаточно одной лишь искренности. Так хочется, чтобы сквозь сдержанность, даже аскетизм Кручининой прорвалась вдруг ее страсть актрисы. Актрисы, способной у Островского приводить в невестство зал, срывая с обывателя броню равнодушия.

«Красавец-мужчина» (как и «Без вины виноватые») написан драматургом в последние годы творчества и входит в цикл так называемых «печальных комедий». Объединяют их, кроме всего прочего, образы женщин, при всем их различии равно способных на сильное, бескорыстное чувство. И обделенных как раз тем, что для них всего важнее — любовью.

Что говорить, Зоя Васильевна в «Красавец-мужчине» с ограниченностью ее мира и вневных тлением — не чета умной и глубокой Кручининой. Однако же и в ней так велика потребность души любить, верить и всем жертвовать во имя любимого человека. Даже во зло себе.

Но в исполнении И. Печерниковой Зоя Васильевна, как нам кажется, недостает того, что составляет суть этой комедии — горячее женского сердца. Она вялая, анемична и уныла.

Впрочем, и избранник ее (Ю. Васильев), даром, что красив, внутренне холоден даже в своей главной страсти — в стремлении к обогащению.

Режиссеру М. Владимирову, думаю, просто не удалось в полной мере раскрыть через актеров богатства содержания пьесы. Да, пожалуй, он изначально не очень и доверял ей, стремясь «осовременить» Островского средствами, от которых решительно отказались постановщики «Ревизора» и «Без вины виноватых». По всему спектаклю разбросаны свидетельства «осовременивания» комедии, не вызванные, во нашему мнению, художественной необходимостью, жесты и манеры, не свойственные ни времени, ни среде, в которой обитает герой пьесы. Объяснения этому не найти не только у Островского, но и в логике самого спектакля. Если и этому добавить негермоую скоророговку кое-кого из актеров, плохо слышную в зале, можно понять огорчение зрителя. Ведь смотрит он Малого театра, с его высокой — высочайшей! — эстетической культурой спектакля.

Три спектакля, о которых идет речь, конечно же, составляют небольшую часть гастрольного репертуара. Но, думаю, важную. Ведь речь идет о классике, более того, Малого. По этим спектаклям можно и нужно судить о коллентиве в целом. Они свидетельствуют о том, что театр умеет с уважением относиться к своим лучшим традициям.

А. НАРОДНИЦКАЯ

Летние гастроли

В ТРАДИЦИОННОМ РЕПЕРТУАРЕ

Гоголь и Островский на сцене Малого театра

следующими поколениями снова и снова возвращались на эти подмостки. В первую очередь, это пьесы А. Островского и Н. Гоголя. Кановы же они сегодня, что говорят нашему зрителю «Ревизор», «Без вины виноватые» и «Красавец-мужчина»?

«Ревизор». Начало спектакля. Известная со школьных лет фраза: «Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить...» и т. д. Едва ли в зале находилась хоть кто-то, не знающий и этой фразы, и всего дальнейшего хода событий. Но это не помешало театру с первых же реплик овладеть зрительским вниманием и удерживать его до финальной сцены. Причем, без активного «осовременивания» пьесы, как это за последние годы не раз бывало в других театрах, без брошенных постановочных «новаций».

Решая комедию внешне вполне традиционно, режиссеры Е. Веснин (он же исполнитель роли горюничего Сивонина-Дмухановского) и Ю. Соломин освобождают ее от груза штампов, которые накопились за долгие сценические истории. Постановщики опираются не на то, как играла до них, а на то, как написано у Гоголя. И потому, в спектакле действуют не хрестоматийно известные персонажи, а живые люди. Во всей определенности их характеров, привычек, судеб.

Краски не ступлены до предела. До магии. Никто из действующих лиц в отдельности не похож на злодея. Но все вместе, в их взаимозависимости они складываются в некую порочную и столько же жалкую, столько и отвратительную «микросистему».

Над порталом сцены — писаная декорация. Затеряная в просторах России городишко — чернов да пожарная калитка. И во всем обилии астроп этого городка тонка есть что-то глубоко провинциальное, убогое, безудовольное. И в уставшем от «служебного рвения» горюничем, и в тугой городничихе (О. Хорькова), и в трясущемся от нечужого страха зрителе училца (А. Смир-

нова) знала не меньше постановок, чем гоголевский «Ревизор». И не меньше обросла привычными представлениями относительно того, как следует ее ставить и играть. Сквозь лес этих представлений театру и нужно было пробиваться к живому сердцу человека, сидящего в зале.

Постановщики «Без вины виноватых» В. Хохряков (он же исполнитель роли «мещанина» Дудушова) и А. Бурдонский так же, как и режиссеры предыдущего спектакля, не пытаются подогреть интерес зрителей формальными приемами. Все на сцене реалистично, достоверно в обрисовке характеров, в костюмах, интерьере. И на этот раз Малый видит современное, со звуком сегодняшнему зрителю на глубине пьесы.

Проблема брошенных детей, составляющая основу сюжета в такой плоскости, в какой рассматривает ее А. Островский, конечно же, принадлежит прошлому, как и социальные условия, ее породившие. Но осталась вечной тема противостояния доброты, милосердия и жестокости, щедрой готовности отдавать себя и холодного расчета. И еще — тема стойкости, прекрасной способности человека не поддаваться злу. Думается, ради утверждения высоких нравственных норм и обратил театр и этой пьесе.

Прямых злодеев, пожалуй, нет и в этом спектакле. Театр стремится, хотя и с разным успехом, к объемным, не сводимым к одной-двум доминирующим чертам характеров. Даже местная премьерна Коринкина (Л. Юдина) — «режиссер» отаратительных закулисных «представлений» — не чужда здесь человеческих движений. В финале же спектакля и она, и те, кто охотно ей подыгрывал, вовсе не лишены от того, что так удалась их «шутка». И все-таки все вместе они читают настоящее злодейство. Порой из эгоизма и зависти, чаще — просто от душевной неразвешенности, бездумности или, что почуть не лучше, из боязни показаться не такими, как все.